

ХАРАКТЕР РУССКОГО НАРОДА В ПРОШЛОМ А.И.Солженицын

Перепечатываем главу 29-ю из книги А.И.Солженицына «Россия в Обвале» (<http://obval.by.ru/6.htm#29>). Многие качества русского народа можно объяснить влиянием Православия. В главе 30-й, Солженицын описывает недавние изменения в народном характере.

Допустимы ли какие бы то ни было суждения о нации в целом? Да ведь мы с лёгкостью высказываем суждения о человечестве в целом, о «женщинах вообще», о «молодёжи вообще», о крестьянах, о горожанах, — и хотя всякий раз нам справедливо возразят, что есть разные, — но мы же и понимаем, что всюду разнообразие, и всякое обобщающее суждение не полноохватно, его надо высказывать с осторожностью, — однако оно имеет весомый смысл. Никак не сплошь по каждой личности, но народные характеры существуют несомненно. Они создаются наслоением опыта народной истории, традиций, обычаев, мировосприятия.

В современном этнологическом словаре прочтём, что национальный характер — это совокупность специфических психологических черт, которые проявляются в способе поведения, в образе мыслей, в складе ума. (Разумеется, среди них есть и общечеловеческие черты, а иные особенные черты встречаются и у других наций.)

И как судьба человека во многом определяется его характером, его личностью — так и судьба народа.

Явное отличие всей атмосферы жизни в России и русского характера от западного неоднократно отмечено в наблюдениях приезжавших иностранцев, участвовавших в XVII-XIX веках. Россия оказалась — и Западу долго «этого допустить было невозможно» — «целый мир, единый по своему началу», «живущий своей собственной органической самобытной жизнью» (Ф. Тютчев).

Откуда же возникла столь резкая разница? Только ли от более восточных меридианов? от соседства с агрессивно кочевыми народами? от обширности наших просторов, от наших лесов и степей? В объяснение особенностей русского характера выдвинуто и такое. Что в отличие от многих этносов, живших замкнутой кровнородственной общиной, — у наших славянских предков (кроме полян) община была территориальной. (Славянские племена и назывались по местам обитания, а не по имени предка, как, например, у германцев.) В ней всякий посторонний, кто поселялся, и даже бывший раб, не считался чужим, мог включиться в общину и жениться тут. Не было закрытости рода-племени, лишь единство «родной земли». Отсюда — всеоткрытость русского характера, лёгкая ассимиляция других народов. (Для дальнейшего отметим ещё важное отличие: главный признак славянской системы был препоручение власти снизу вверх, «славянские племенные союзы IX в. ...были государства, построенные снизу вверх») (А. Г. Кузьмин. — В сб.: Русский народ..., с. 28-30, 35).

Позже очень, очень многие черты русского характера определились православием. «Все народные начала, которыми мы восхищаемся, почти сплошь выросли из православия» (Достоевский). Не меридианы, нет: ведь это же самое православие отделило нас от мусульманского и буддийского Востока. (Сказалось, конечно, и обратное влияние: восточнославянского характера на формы усвоенного православия; тут — отличие от греков.)

Говоря о прошлых веках, мы, разумеется, имеем в виду более всего характер крестьянский, то есть подавляющей тогда части народа. Да вот, наглядное:

- доверчивое смирение с судьбой; любимые русские святые — смиренно-кроткие молитвенники (не спутаем смирение по убеждению — и безволие); русские всегда одобряли смиренных, смиренных, юродивых;
- сострадательность; готовность помогать другим, делясь своим насущным;
- «способность к самоотвержению и самопожертвованию» Тютчев тоже объяснял православными истоками;
- готовность к самоосуждению, раскаянию — и публичному; даже преувеличение своих слабостей и ошибок;
- вообще вера как главная опора характера; роль молитвы; «Русский человек не способен обходиться без сердечного общения с Богом» (Л. Тихомиров);

Отсюда и пословицы (жизненные правила! законы поведения), подобные таким:

- Бедность — не порок.
- Покорись беде — и беда покорится.
- Больше горя — ближе к Богу.
- Терпение лучше спасения.

И немало подобных, можно выписывать страницами. (Западному уму трудно принять такую линию поведения.) А ступая в продолжение этого мирочувствия:

- лёгкость умирания; эпическое спокойствие в приятии смерти (Л. Толстой, да у многих русских авторов);
- наконец: непогоня за внешним жизненным успехом; непогоня за богатством, довольство умеренным достатком. Пословицы вроде:
  - Кто малым не доволен, тот большого не достоин.
  - Шире себя жить — не добра нажить.

Но если цель жизни — не материальный успех, то — в чём она? В сегодняшнем заблудшем человечестве мы не слышим вразумительного ответа на этот неуклонимый вопрос, цель — затуманилась, люди всё более живут лишь бы жить, а где и: лишь бы существовать.

Не случайно у нас родилось, кроме «истины», ещё отдельное (и почти непере译имое) слово «правда»: тут — и истина, тут — и личная нравственность, тут — и общественная справедливость. Нет, далеко не праведность жизни, но широко разлитая жажда праведности.

А само собою, и не в связи с христианской верой, не раз выпукло проявлялись в русском характере и черты природные, отродные (не охватить и не процитировать всего, кем-либо наблюденного, отмеченного):

- открытость, прямотушие;
- естественная непринуждённость, простота в поведении (и вплоть до изрядной простоватости);
- несуетность;
- юмор, в большой доле; многогранно и выразительно сверкают им русские пословицы;
- великодушие; «русские — люди непрочной ненависти, не умеют долго ненавидеть» (Достоевский);
- уживчивость; лёгкость человеческих отношений; «чужие в минутную встречу могут почувствовать себя близкими» (Г. Федотов);
- отзывчивость, способность всё «понять»; размах способностей, в самом широком диапазоне; «широкий, всеоткрытый ум» (Достоевский);
- широта характера, размах решений: Чем с плачем жить, так с песнями умереть.

Не согласен я со множественным утверждением, что русскому характеру отличительно свойственен максимализм и экстремизм. Как раз напротив: подавляющее большинство хочет только малого, скромного.

Однако — всякий характер на Земле противоречив, даже может совмещать полные противоположности, тем более — у разных лиц; так не удивимся в дальнейшем перечне свойств как бы противоречию сказанному.

Известный наш педагог С. А. Рачинский указывал, что один и тот же носимый в душе нравственный идеал — «в натурах сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига», а «в натурах слабых влечёт за собой преувеличенное сознание собственного бессилия». А Чехов отметил так («На пути»): «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие». Какие знакомые нам, сколько раз виденные черты... Нечёткие, нетвёрдые контуры характера — да, это у нас есть.

Последний французский посол в дореволюционной России, долго в ней живший Морис Палеолог, оставил нам тоже немало метких наблюдений. Воображение русских не рисует отчётливых очертаний, вместо понимания реальности — грёзы. Русские много думают, но не умеют предвидеть, бывают застигнуты врасплох последствиями своих поступков. Утешение «ничего» как черта национального характера, способ умалить цель, признать тщету всякого начинания — самооправдание, извиняющее отказ от стойкого проведения своих намерений. Быстрая покорность судьбе, готовность склониться перед неудачей.

В. Ключевский: «Мы работаем не тяжем, а рывом», — хотя рыв часто могучий. «Труд русского человека лишён упругого равномерного напряжения; нет методичности и размеренности» (С. С. Маслов, общественный деятель, XX век). Равномерной методичности, настойчивости, внутренней дисциплины — болезненнее всего не хватает русскому характеру, это, может быть, главный наш порок. (Уж не опускаемся здесь до расчеловечения — безоглядного распущенного пьянства.) Мы часто не собраны всей нашей волей к действенному стержню. Да и самой-то воли порой не хватает.

Из названных качеств проистекло, однако, и — всеизвестное (худо знаменитое) русское долготерпение, поддержанное телесной и духовной выносливостью. (Отметим: терпение это веками держалось даже больше на смирении, чем на страхе перед властвующими.)

Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. Тут — и явная подкупность многих, кто вершит закон. Но вместо правосознания в нашем народе всегда жила и ещё сегодня не умерла — тяга к живой справедливости, выраженная, например, пословицей: Хоть бы все законы пропали, лишь бы люди правдой жили.

Сюда примыкает и вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается «глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли». Как трава нагибается от сильного ветра, а потом распрямляется без вреда для себя — так народ, если удавалось, переживал, переживал эти «глубокие воздействия власти», не меняя веры и убеждений. «Русский дух больше вдохновлялся идеей правды Божьей на Земле, нежели — получить внешнюю свободу» (С. Левицкий, философ, XX век). Тем более — не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов. В противоречие тому — жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда. (В наш удельный период многократно видим, как масса зависит от князя, вся направляется им, куда он повернёт, на войну так на войну.)

Отсюда проистекла наша нынешняя губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня. «Русские не способны делать дела через самозарождённую организованность. Мы из тех народов, которым нужен непременно вожак. При удачном вожаке русские могут быть очень сильны... Трудно служить России в одиночку, а скопом мы не умеем» (В. В. Шульгин).

И на то есть пословица: Сноп без перевясла — солома.

Так создаётся беспомощность и покорность судьбе, превосходящая все границы, — вызывающая изумление и презрение всего мира. Не разобравшись в сложной духовной структуре, — из чего это проистекло, как жило, живёт и к чему ещё нас выведет, — бранят нас извечными рабами, это сегодня модно, повсемирно.